

Сюзанна Барсегян

Армянский институт международных отношений и безопасности

Ни война, ни мир: мягкая сила дискурса

«Люди никогда не участвуют в войне без посреднической силы дискурса»¹

Адам Ходжес

Дискурсы мира и войны актуальны для армянского общества, живущего более двух десятилетий в положении «ни войны, ни мира». Неурегулированный Карабахский конфликт, отношения РА с соседними странами, а также региональные реалии делают для общественности наиболее «естественным» дискурс войны, а дискурс мира – все больше «абстрактным».

Дискурсы мира и войны оказывают существенное влияние на реальную политику, и на процесс принятия решений. На политических и общественных площадках, в СМИ и в социальных сетях сущность этого дискурса формирует представления о мире и войне, дает определение задачи безопасности страны и соответствующих поведенческих паттернов для ее обеспечения. Как отмечает Адам Ходжес, война несвязана с человеческим мозгом, а скорее существует как культурная практика, выраженная в языке, а также в действии².

Враждебная среда

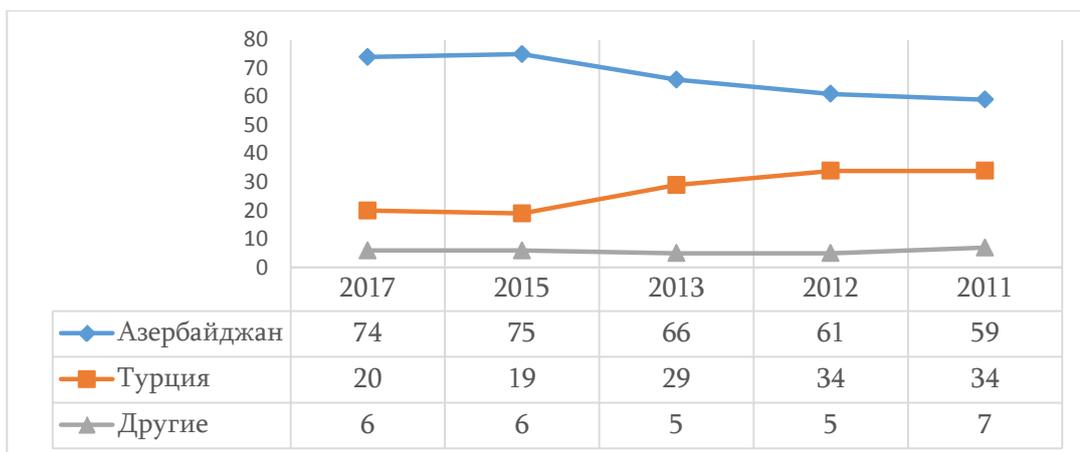
Соотношение дискурсов мира и войны, обусловленное миролюбивой или воинственной природой вербальной деятельности на общественных площадках (в основном в политической риторике и в медиапространстве), формирует общественные представления о безопасности, в которых определение «друг – враг» занимает особое место. Согласно опросам общественного мнения, подавляющее большинство общественности Армении имеет враждебное восприятие соседства, в лице Азербайджана и Турции (см. График 1). Однако, не считая врагами своих двух других соседей – Грузию и Иран, лишь малая часть опрошенных признает их друзьями.

---

¹ Discourses of War and Peace, Adam Hodges (ed.), Reviewed by Vesa Koskela, Sociolinguistic Studies, Vol. 9.4, 2015, p. 519.

² См. там же.

График 1. Враждебные Армении страны, согласно общественному мнению, %³

Причем данные показывают, что за последние 7 лет наблюдается динамика роста восприятия Азербайджана как врага.

Примечательно, что в Арцахе есть более обостренное восприятие враждебного соседства, и практически нет разницы в восприятии Азербайджана и Турции (см. График 2).

График 2. Враждебные НКР страны, согласно общественному мнению (несколько ответов, %)⁴

Дискурс войны в редких случаях ассоциируется с Турцией, несмотря на недружественные отношения, закрытую границу, историческую непримиримость.

Отношение к России не однозначно. В общественном сознании Россия уже долгое время сохраняет имидж единственного друга. С одной стороны, в общественном сознании есть образ России как гаранта безопасности Армении и основного актора урегулирования Карабахского конфликта, с другой стороны Россия - это угроза безопасности для Армении и Арцаха, потому что продает наступательное оружие Азербайджану.

³ Caucasus Barometer, Public Perceptions on Political, Social, and Economic Issues in the South Caucasus Countries, Yerevan, 2017

(http://www.crrc.am/hosting/file/_static_content/barometer/2017/CB2017_ENG_presentation_final_.pdf).

⁴Opinion Polls in Nagorno-Karabakh: Comparative Results from 2015 and 2016, IPSC – Institute for Political and Sociological Consulting, Armenia, 2016 (<http://eufoa.org/wp-content/uploads/2016/12/Comparative-opinion-polls-2015-2016-17.11.2016-Website-Eng-2.pdf>).

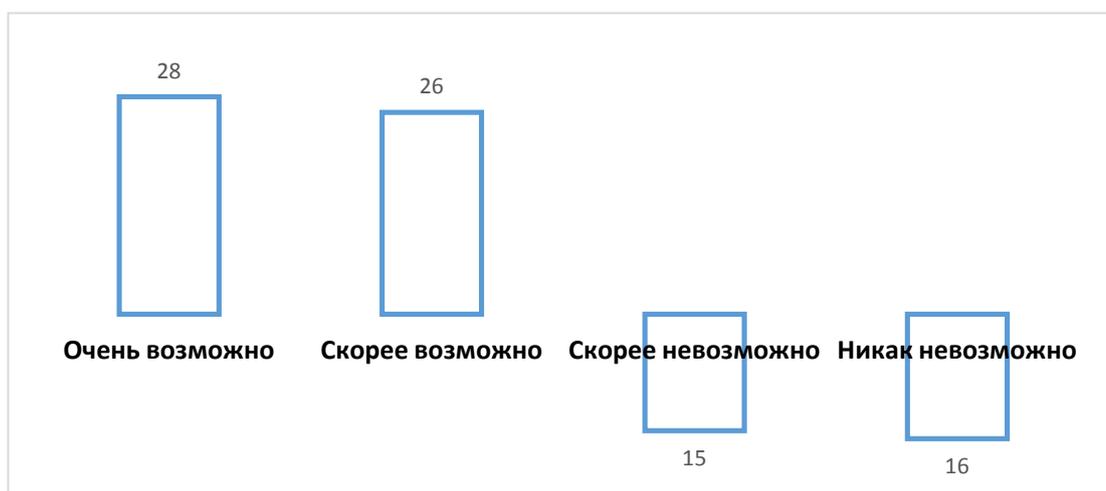
Вот такая враждебная, недружественная среда вызывает обостренное восприятие безопасности в армянском обществе, что, в свою очередь, способствует развитию дискурса войны, милитаризации общества и легитимизации войны в целом.

И в этой общей враждебной среде дискурс войны в основном сосредоточен на Карабахском конфликте.

Карабахский конфликт - ключевой фактор дискурсов войны и мира

Согласно общественному мнению, после приоритетных для населения социально-экономических проблем, существенными являются неразрешенный конфликт и нехватка мира (10-11% опрошенных)⁵. Хотя и мирное решение конфликтов обозримой перспективе представляется не таким уж и реалистичным (см. График 3). 15% опрошенных даже затрудняются делать какие-то прогнозы в этом вопросе.

График 3. Насколько вероятно разрешение Нагорно-карабахского конфликта мирным путем в течение следующих пяти лет? (%), 2013⁶

Опрос общественного мнения после апрельской войны 2016г. показал, что несмотря на угрозы войны, большинство населения Армении видит разрешение Карабахского конфликта лишь переговорным путем (см. График 4).

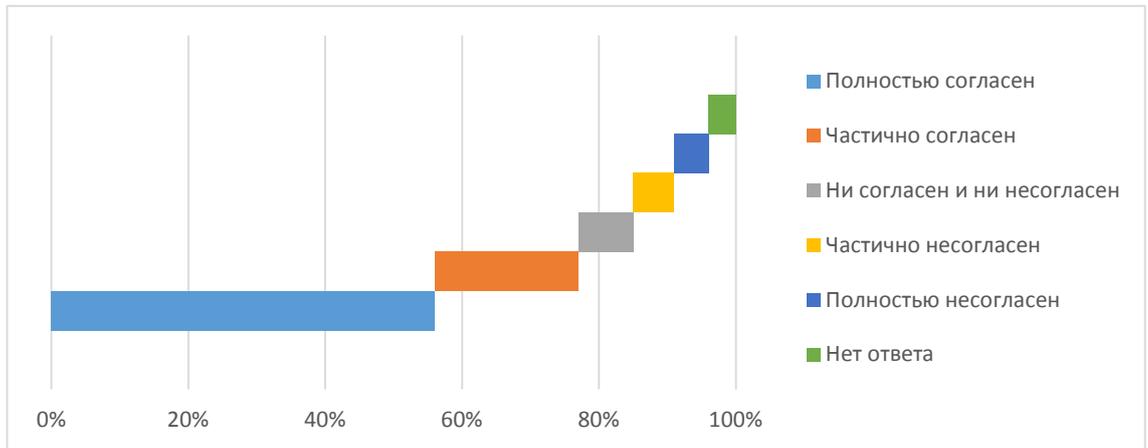
⁵Caucasus Barometer, Public Perceptions on Political, Social, and Economic Issues in the South Caucasus Countries, Yerevan, 2017

(http://www.crrc.am/hosting/file/static_content/barometer/2017/CB2017_ENG_presentation_final.pdf).

⁶Caucasus Barometer, Public Perceptions on Political, Social, and Economic Issues in the South Caucasus Countries, Yerevan, 2013

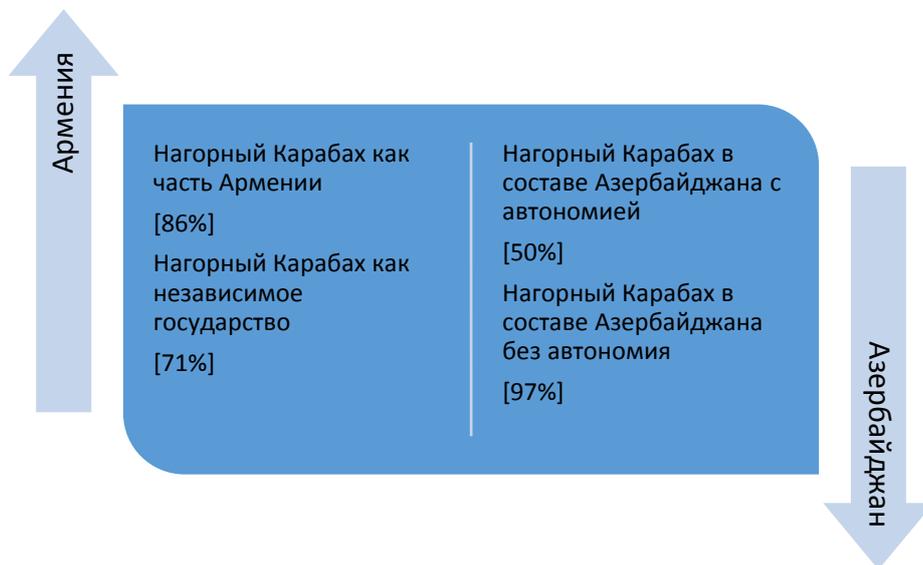
(http://www.crrc.am/hosting/file/static_content/barometer/2013/CB2013_public%20presentation_English.pdf)

График 4. «Апрельская война показала, что Карабахский конфликт должен быть разрешен не силовым, а переговорным путем»: Общественное мнение, 2017⁷.

По сути, тем самым армянское общество подтверждает свой подход мирного урегулирования. Однако полярные подходы делают нереальной перспективу последнего (см. Рисунок 1).

Рисунок 1. Подходы к статусу Нагорного Карабаха, 2013⁸

⁷Caucasus Barometer, Public Perceptions on Political, Social, and Economic Issues in the South Caucasus Countries, Yerevan, 2017 (http://www.crrc.am/hosting/file/_static_content/barometer/2017/CB2017_ENG_presentation_final_.pdf).
⁸Caucasus Barometer, Public Perceptions on Political, Social, and Economic Issues in the South Caucasus Countries, Yerevan, 2013 (http://www.crrc.am/hosting/file/_static_content/barometer/2013/CB2013_public%20presentation_English.pdf)

Общества двух стран солидарны своим отношением только одному варианту: они одинаково считают неприемлемым (88-90%) статус НКР как специальной административной территории, совместно управляемой Азербайджаном и Арменией.

Согласно опросам 2015 и 2016гг.⁹, население Арцаха, в свою очередь, видит два основных варианта определения статуса Нагорного Карабаха: 1) быть независимым и 2) войти в состав Армении. Следует отметить, что апрельская четырехдневная война 2016г. внесла заметные коррективы в восприятие арцахцев относительно статуса НКР и урегулирования конфликта. Население Арцаха видит вышеупомянутый статус, включая 7 районов (Агдам, Джабраил, Физули, Кубатлы, Кельбаджар, Лачин и Зангелан), в составе НКР или РА.

Из вариантов решения конфликта жители Карабаха считают первостепенным сохранение текущей ситуации (статус кво) силами армянских войск (35%) и признание независимости НКР Арменией, с сохранением мира и территорий (33%), и лишь 1/10 часть опрошенных видит решение в военных действиях. В то же время они считают, что если влиятельные государства окажут давление и потребуют, чтобы Азербайджану были возвращены освобожденные земли, народ должен оружием противостоять этому решению (81%).

Таким образом, Карабахский конфликт является основным стимулом дискурсов войны и мира в Армении и в Арцахе. Доминирование дискурса войны над дискурсом мира является следствием полярных подходов конфликтующих сторон, которым сложно найти взаимовыгодные решения. Есть опасения, что в случае готовности армянской стороны к мирному урегулированию, противоборствующая сторона может занять иную позицию. Такая ситуация порождает соперничество, в котором победителем может оказаться лишь одна сторона, поэтому, в СМИ и в публичном пространстве, дискурс войны становится доминирующим. С одной стороны, он способствует эскалации войны, с другой – предстает в качестве языка мира: развитие военного потенциала страны, подавления попыток вооруженной агрессии противника представляется действиями, направленными на утверждение мира.

Основные силы дискурса

В отличие от практик войны и мира, коммуникативная, вербальная природа дискурсов войны и мира дает возможность деконструировать принятый и легитимирующий войну дискурс, изменяя язык и нарративы. Однако факторы, влияющие на эти дискурсы и заинтересованные стороны весьма разнообразны: власть и лица, ответственные за политику, общественность Армении и Арцаха, армянская диаспора, СМИ, противоборствующая сторона конфликта, международная общественность, посреднические организации и т.д. Следовательно, стимулирующие дискурсы субъекты способны утвердить превосходство одного из них. Помимо этого, разнообразие заинтересованных

---

⁹Opinion Polls in Nagorno-Karabakh: Comparative Results from 2015 and 2016, IPSC – Institute for Political and Sociological Consulting, Armenia, 2016 (<http://eufoa.org/wp-content/uploads/2016/12/Comparative-opinion-polls-2015-2016-17.11.2016-Website-Eng-2.pdf>).

сторон способствует возникновению разницы между общественными и политическими дискурсами, между действительностью и восприятием.

Среди внутриармянских субъектов, продвигающих дискурс, особенно влиятельными являются власти/политически ответственные силы, политпартии и гражданское общество, мозговые центры и эксперты. После установления перемирия эти силы циркулировали различные, часто взаимоисключающие подходы по урегулированию конфликта.

Можно сказать, в центре дискуссий уравновешенные, консервативные подходы политически ответственных сил, основных политсил, в рамках которых больше представляются различные переговорные форматы, варианты решения, некоторые компромиссы и бескомпромиссные вопросы (часто на официальном уровне избегают публичных разговоров о договоренностях по уступкам). А по краям - два радикальных подхода. С одной стороны, так называемый националистический подход, рассмотрение вопроса в общем контексте Армянского вопроса (восстановление исторической справедливости и возвращение армянских земель), в рамках которого излишне говорить об уступках, и который предполагает силовые методы решения. С другой стороны, мало озвучиваемая однозначная готовность к уступкам во имя мира очень маленького количества представителей гражданского общества .

Трудно судить, в какую сторону поведут эту дискуссию новые власти Армении. Пока что новое правительство и новый президент заявляли о готовности к мирному решению конфликта, подчеркивали пагубные последствия войны для обеих стран и региона в целом, а также о намерении добиться возвращения НКР за стол переговоров.

Манипуляция дискурсом войны

Манипуляция безопасностью является другой стимулирующей дискурс войны силой, основанной на особой чувствительности общества к этой теме. Используя военное положение и высокую степень заинтересованности общества вопросами обороны, власти, путем патриотической пропаганды, ослабляют общественный запрос на демократические процессы, во многих случаях противопоставляя безопасность демократическим, гражданским ценностям. Отмечая сохранение безопасности как наиболее важную задачу, власти придают ей неоспоримо важный статус, сужая при этом восприятие этого понятия как такового. Противопоставление интересов безопасности и основополагающих принципов демократии в общественном восприятии укрепляется в политическом дискурсе на фоне внутривнутриполитических процессов. Так, Карабахский конфликт и вопрос войны и мира всегда были важными темами в политическом дискурсе. Стереотипы, циркулирующие в этих обсуждениях работали в пользу дискурса войны. И наоборот – перевес дискурса войны выдвигал некоторые неоспоримые подходы:

- Если мы в конфликте, то не можем соблюдать демократию: для мобилизации общества необходим дискурс войны и авторитарное

правление (авторитарные подходы представляются залогом обеспечения силы и безопасности).

- К имеющимся социально–экономическим трудностям надлежит относиться снисходительно, ввиду постоянной военной угрозы и приоритетных для страны оборонных затрат.
- Разрешение Карабахского конфликта в пользу армян напрямую связано с конкретными лицами, находящимися у власти (наиболее осведомленными, происхождением из Арцаха и принявшими непосредственное участие в войне).
- Поствыборные митинги и акции против фальсифицированных выборов работают в пользу враждебных соседей и способствуют приграничным столкновениям.
- Официальная переговорочная сторона, во избежание недоверия общественности, не говорит об обуступках.
- Дискурс мира воспринимается исключительно как готовность идти на компромисс.

Однако дискурс войны и мира, а также восприятие безопасности обрели новый смысл после апрельской войны 2016г. и апрельской революции 2018г.

Два решающих события: война и революция

После войны 2016г. и революции 2018г., в контексте внутривнутриполитических изменений в Армении, ломаются стереотипы и табу, сформированные на протяжении многих лет.

После апрельской войны был поставлен четкий акцент на дискурсах войны и мира, породилась новая волна обсуждений относительно урегулирования конфликта, произошли изменения в общественном мнении, а также в восприятии России как единственного союзника.

Дискурс войны, в свою очередь, способствует милитаризации общества. Как отмечает Л. Багдасарян, после апрельской войны 2016г., «право на войну» перестало быть исключительно монополией азербайджанского дискурса¹⁰. Кроме объективных причин войны, реализуя разные программы и используя возможности СМИ, сама власть способствовала милитаризации. Примером к сказанному может послужить концепция «Нация-армия», посредством которой делалась попытка сфокусировать внимание населения на задачах обороны и армии, а также создать программу «военно–патриотического воспитания учащихся». Как показали результаты медиа-дискурсов вокруг программы «Нация-

---

¹⁰Багдасарян Л. Метаморфозы дискурса мира и войны на армянских и азербайджанских публичных площадках после апреля 2016 г., Исследовательский центр “Регион”, 2017 (<http://hetq.am/rus/news/75606/metamorfoziy-diskursa-mira-i-voyniy-na-armyanskikh-i-azerbaiydzhanskikh-publichnykh-ploshchadkakh-posle-aprelya-2016-g.html>).

армия», связь армия–нация укрепляется в контексте укрепления безопасности¹¹. Многие эксперты квалифицировали эту концепцию как программу милитаризации общества и связали ее с авторитаризацией власти. Хотя концепция «Нация-армия» и ряд программ, подготовленных в рамках этой концепции, не осуществляются после Бархатной революции 2018г.

Несмотря на активизацию вопроса безопасности после апрельской войны 2016 года и мобилизацию общества для обороны, проблемы, выявленные в ходе войны, коррупционные раскрытия, опыт частных вкладов в рамках концепции «Нация-армия» поставили под сомнение оценку армии как безусловно доверительного и состоявшегося института, приоритетность безопасности и обороны над социально-экономическими трудностями и уступками в демократических процессах.

Возможно, это оказало воздействие через два года в деле массового революционного участия в 2018 г. Циркулирующий годами миф о том, что в силу исторической памяти, консервативности и мудрости, народ не пойдет на внутривнутриполитические потрясения, осознавая угрозы, исходящие от вражеской среды и войны, на этот раз не сработал. Хотя в течение всего времени гражданского неповиновения и митингов озвучивался тезис и распространялась информация о приграничных скоплениях азербайджанских вооруженных сил и угрозе, это не только не усмирило участников протестов, но и столкнулось с контраргументами: подобное гражданское участие, воцарившийся дух и сила народа, наоборот, могут способствовать обороне. Антикоррупционные действия нового правительства Армении, шаги к демократизации и легитимность власти на практике показали положительные результаты.

Таким образом, революция, в силу внутривнутриполитических процессов, изменила миф манипулирования войной и безопасностью. Легитимность власти и преследование демократических ценностей может стать новым переговорным ресурсом и ресурсом безопасности Армении.

Информационное пространство и язык дискурса

Однако, помимо внутреннего армянского дискурса, очень важен и азербайджанский, потому как асимметрия этих дискурсов, в свою очередь, способствует развитию дискурса войны. Военная риторика и пропаганда, искажение фактов и информации влияют не только на внутреннюю аудиторию, но и порождают соперничество и информационную войну.

В армянском и азербайджанском обществах, асимметрия дискурсов войны и мира выражается в политической риторике, в СМИ, социальных сетях,

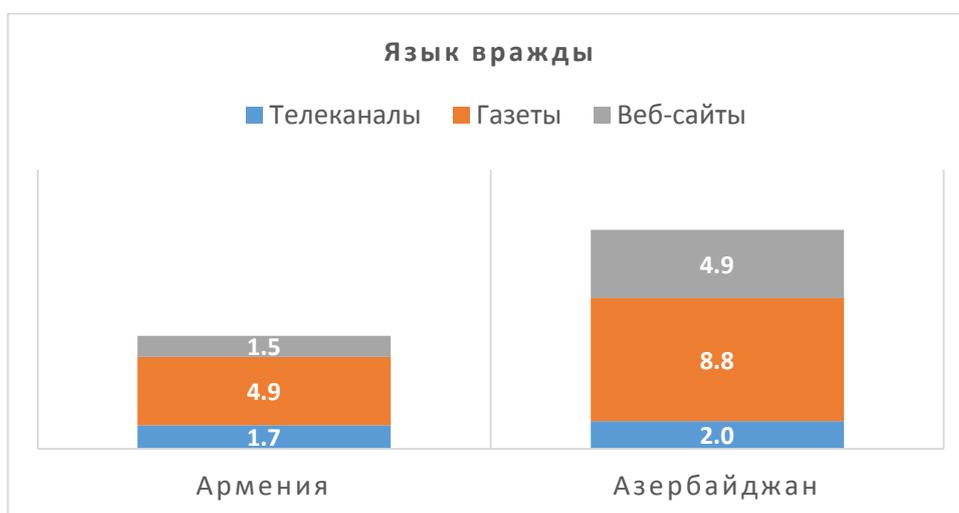
---

¹¹Армянский медиадискурс концепции “Нация-армия” 2017, Исследовательский центр “Регион”, Ереван, 2017(<http://www.regioncenter.info/sites/default/files/Nation-Army%20discourse%202017-%20RUS.pdf>).

образовательных программах (в учебниках истории и других предметов, «патриотическом» воспитании и т.д.)¹², искусстве и в других областях.

В деле формирования этих дискурсов особо важна роль СМИ, так как они являются основным источником информации не только для внутренней аудитории, но и для аудитории противоположной стороны. Учитывая, что обычно в СМИ дискурс войны выражается, в первую очередь, языком вражды, этот показатель может выступить важным маркером. Асимметрию языка вражды выявляют исследования СМИ Армении и Азербайджана (2014г.): согласно их результатам, язык вражды особо ярко выражен в азербайджанских СМИ (см. График 6).

График 5. Язык вражды в СМИ Армении и Азербайджана (соотношение материалов с элементами “языка вражды” к общему числу исследованных материалов данного вида СМИ, %)¹³

Для эмоционального вовлечения людей в конфликт, стороны разделяются на “хорошие” и “плохие”, конструируется борьба между “правдой” и “ложью”. В этом дискурсе войны конфликт представляется неразрешимым, стороны констатируют героические поступки своего народа и злодеяния противоположного, гуманизируют своих политических и военных лидеров, солдат, жертв, гражданское население, полностью обезличивая эти образы противоположной стороны.

Согласно данным исследования азербайджанских и армянских СМИ (2008-2013гг.)¹⁴, распространяемые противником клише в контексте урегулирования Карабахского конфликта, по большинству зеркально противоположны. Так, например, СМИ обеих стран в отношении друг друга используют определенные

¹²В образовательных программах дискурс войны крайне агрессивен в Азербайджане. Учебники и другие учебные материалы можно найти на следующем веб-сайте: <http://azerichild.info/books-education-azerbaijan-hatred-from-childhood.html>;

¹³“Язык вражды” в средствах массовой информации Южного Кавказа (На основе мониторинга СМИ Азербайджана, Армении и Грузии), Ереванский пресс-клуб, 2014 (http://ypc.am/wp-content/uploads/2015/03/Hate_Speech_October_2014_rus.pdf).

¹⁴Глоссарий языка вражды в СМИ Азербайджана и Армении, Баку-Ереван, 2008-2013 (http://ypc.am/upload/GLOSSARY_rus.pdf)

клише: агрессор, оккупация, армянская/азербайджанская пропаганда, зверство, варварство, терроризм, воинственная политика, измененные топонимы и т.д. Используются также клише с противоположным значением, (например, освобожденные/оккупированные районы), выражения и слова, взятые в кавычки (“НКР”, “Геноцид армян” и т.п.) и используемые только одной стороной (Арцах, армянские/карабахские сепаратисты). В СМИ циркулирует также стереотип бескомпромиссности, при этом имеется ввиду нежелание противника идти на уступки. Однако вариант разрешения конфликта путем военных действий встречается исключительно в азербайджанских СМИ. В армянских же - наиболее часто указывается, что Армения - сторонник мирного, а Азербайджан - военного решения конфликта.

С учетом различной степени свободы, СМИ обеих стран (конечно, в разных соотношениях) не представляют в итоге аудитории достоверной информации друг о друге¹⁵. Этот информационный пробел в какой-то степени восполняется социальными сетями, которые представляются с одной стороны инструментами коммуникации, с другой – инструментами информационной войны. Социальные сети предоставляют возможность содействовать мирному дискурсу, который невозможен без восприятия истории противоположной стороной конфликта, без учета мнения участников, уважения к жертвам, без отличия политических, военных лидеров от простых людей. По сути, социальные сети пока не имеют широкого применения в мирном дискурсе двух народов, и используются, по большому числу, как инструмент информационной войны.

Таким образом, восприятия мира и войны в целом не основаны на реальных фактах и правдивой информации. Медиа технологии формируют эти представления, распространяют и воспроизводят дискурсы войны и мира. Последние фактически выступают как важные инструменты мягкой силы (softpower).

В настоящее время дискурс войны, безусловно, является доминантным, и, в принципе, общества противоборствующих стран не готовы к миру, несмотря на провозглашенные заявления¹⁶.

Дискурс мира, следуя неоспоримым стандартам правды, способен выявлять противоречия и деконструировать полярность дискурса войны. Он призван переосмыслить мифы и выделить общие ценности, указать на цену победы, определяя вред для культуры, экономики, социальных отношений и т.д., а также

---

¹⁵Согласно «Отчету о свободе слова за 2017 год» Freedom House-а, Армения занимает 137-е, а Азербайджан - 190-е место среди 10 стран с самым низким рейтингом в мире.

¹⁶Согласно нашим наблюдениям, дискурс войны в Азербайджане носит более крайний и комплексный характер.

исследовать возможности трансформации конфликта и возможности для примирения и установления мира¹⁷.

---

¹⁷Kempf W. Deescalation-oriented conflict coverage? The Northern Ireland and Israeli-Palestinian peace processes in the German press, IAMCR Scientific Conference at Leipzig (Germany), 1999 (<http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.871.4250&rep=rep1&type=pdf>).